

Незнакомые знакомцы: о чем еще могут рассказать словари?

Елизавета Бабаева

Abstract: *Unfamiliar Acquaintances: What Else Can Dictionaries Tell Us?* Vocabulary is considered to be first and foremost a linguistic and pedagogical field: it teaches readers to master the lexical units of their own or a foreign language better. Dictionaries are thus usually a kind of “applied” lexicology. However, a different approach is also possible, in which particular attention should be paid to clarifying the author’s attitudes — not only philological, but also, more broadly, epistemological, taking also into account his views on the role of lexicographer (often extending far beyond his study). A dictionary is a special type of statements about words and the world, and the body of texts belonging to this type of discourse is an archive of knowledge (M. Foucault), shedding light not only on the history of words, but also on the history of the formation and development of concepts and ideas, on the history of society and on historical anthropology.

Keywords: lexicography, vocabulary, lexicology, discourse, history of concepts, history of ideas, anthropology.

И дикционарий не выше человеческих сил
(В. К. Тредиаковский)

Лексикографические труды принято считать областью, прежде всего, педагогической — в самом широком понимании этого слова: они учат своего читателя лучше владеть лексическими единицами своего языка или же языка другого народа. Словари обычно выступают в роли своего рода «прикладной» лексикологии или же экспериментального поля для теоретической семантики.

Конечно, словари изучались и изучаются в теоретической и исторической перспективах: фиксируются лексикографические концепции и формальные модели описания языковых единиц, устанавливаются линии преемственности. Во второй половине XX века во Франции комплексное изучение лексикографической традиции становится особым бурно развивающимся направлением лингвистики¹. В работах по истории лексикографии материал обычно излага-

¹ Это неудивительно: ведь французская лексикографическая традиция необычайно богата. Достаточно сказать, что в XVI–XVII веках появилось 36 словарей, описывающих французскую лексику, из которых 8 толковых. Постоянно обновляющуюся библиографию

Elizaveta Babaeva, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, babaevae@my.msu.ru, 0000-0001-6167-4859

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Elizaveta Babaeva, *Unfamiliar Acquaintances: What Else Can Dictionaries Tell Us?*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.14, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 159-171, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

ются хронологически и в соответствии с национальными традициями². Существуют также разнообразные классификации словарей, учитывающие такие параметры, как состав и способ организации словника, а также тип сообщаемой в них информации³. Вместе с тем, можно предположить возможность создания некоторой типологии словарей, учитывающей гораздо больше факторов, чем собственно отнесение словаря к одному из классов на основании пересечений ряда формальных признаков.

Словари⁴ можно рассматривать в качестве отдельного высказывания⁵ о лексических единицах, имеющего сложную внутреннюю структуру. Совокупность таких высказываний образует особый дискурсивный тип. Субъектом высказывания в этом случае выступает лексикограф (*я* или *мы*), обращающийся к потенциальному читателю (*ты*). Согласно Жану Дюбуа, данному типу дискурса соответствует формула: *Словарь говорит, что P* (где *P* — совокупность содержащихся в тексте пропозиций), которая может трансформироваться в формулу *Лексикограф <я, мы> говорит <говорю, говорим> тебе <вам>, что P* (Dubois 1970, 35, 40–2). Можно сказать, что в словаре, взятом как высказывание, роль предиката выполняют словарные статьи, содержащие информацию относительно заголовочных слов. Каждое такое лексикографическое высказывание порождает особое знание, а совокупность высказываний, если использовать терминологию М. Фуко, создает архив знаний.

Словарь, взятый как высказывание, обладает непрерывностью и законченностью, причем его законченность обычно поддерживается алфавитным принципом организации; см. подробнее в: Dubois 1970, 37. Изучение таких высказываний, как и изучение любого другого типа дискурса, предполагает рассмотрение их генезиса, структуры, стилистики и риторики (Rey et Delesalle 1979, 9).

можно найти в виртуальном Музее словарей (Musée virtuel des dictionnaires) на сайте Университета Сержи-Понтуаз (<https://dictionnaires.u-cergy.fr>).

² См., например, объемную работу (Considine 2021).

³ См., например, подробную типологию словарей в: Rey 1977, 54–81. Следует отметить, что объектом наиболее полного анализа (с точки зрения многообразия критериев, положенных в основу изучения) стал знаменитый словарь английского языка С. Джонсона (Samuel Johnson. *A Dictionary of the English Language*) 1755 года; см., например, в Lynch 2011.

⁴ В данной статье речь пойдет преимущественно о словарях, которые после Владимира Даля стали в русской традиции называться *толковыми* (они могут также называться *одноязычными*), и о небольшом фрагменте мировой лексикографии — новой европейской лексикографии, которая зародилась в XV–XVI веках, хотя корни ее, несомненно уходят в глубокое прошлое.

⁵ Ср. рассуждение М. Фуко о том, что высказывание «одновременно с появлением в своей материальности возникает со своим статусом, включается в систему, располагается в поле использования, поддается перемещениям и возможным изменениям, участвует в операциях и стратегиях, где его тождественность поддерживается или исчезает» (Фуко 1996, 106).

Появление данного типа дискурса в национальной филологической традиции, несомненно, должно расцениваться как знаковое явление. Хорошо известно, что становление новых литературных языков в Европе включало создание двуязычных (многоязычных) словарей, которые служили инструментом фиксации статусности языка, поскольку в них этот новый литературный язык начинал напрямую соотноситься с языком, традиционно обладавшим престижностью. Так, например, Ф. Поликарпов, автор славяно-греко-латинского лексикона (1704 г.), желая показать «пространство» «славянского» языка, помещает его в триаду сакральных языков на место еврейского языка — языка святости рядом с греческим и латынью, специально обосновав свою позицию в предисловии (Бабаева 2004, XXXVIII).

В названиях ранних европейских словарей представлена метафора хранилища ценностей — *сокровищницы*, *тезауруса* (греч. *θησαυρός*, восходящее к глаголу *θησαυρίζω* ‘хранить’): например, англо-латинский словарь 1499 года *Promptorium parvulorum* (букв. *Сокровищница для молодежи*) Галфрида Грамматика из Норфолка, в также *Thesaurus linguae latinae* Робера Этьена (Robert Estienne), который в короткое время выдержал три издания — 1531–1532, 1536 и 1543 годов); *Thesaurus graecae linguae* (1572–73 гг.) Анри Этьена (Henri Estienne); *Thrésor de la langue françoise tant ancienne que moderne* (1606 г.) Жана Нико (Jean Nicot); *Немецкий Целлариус* (1765 г.), *Французский Целлариус* (1769 г.) и *Российской целлариус* (1771 г.) Ф. Гельтергофа⁶. В европейской традиции словарь мог представляться, таким образом, книгой, функции которой состоят в том, чтобы *хранить* собранные в ней слова. Александр Семенович Шишков в сочинении 1815 года *Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря* замечал, что словарь «есть собрание и хранилище языка, из которого всякий писатель выбирай что ему надобно и всякий читатель узнавай что он знать желает» (Шишков 1815, 24)⁷, а в предисловии к *Словарю церковнославянского и русского языка* (1847 г.) объяс-

⁶ Эта метафора восходит к латинской средневековой традиции, где *тезаурусами* могли называться своего рода протоэнциклопедии (ср., например, труд 1265 г. философа Brunetto Latini *Li livres dou tresor*), однако она представлена и в других древних лексикографических традициях: так, например, в древнеиндийской лексикографии известен словарь *Амаракоса* (*коша* — «словарь», а также «коллекция», «сокровище»), созданный Амарой Синхой (V–VI вв.). Исследователи отмечают также, что изначально термин *thesaurus* обозначал одноязычный словарь, тогда как *vocabularium* или *dictionarium* фигурировали в названиях двуязычных, многоязычных или специальных словарей (Pruvost 2002, 21–2). Ср. также нем. *Wortschatz* или англ. *Word-hoard* как название для словаря.

⁷ В словах А.С. Шишкова отражено представление о важной роли, которую играет словарь для порождения текста; ср. также относящееся к 1802 году мнение писателя Российской Академии П. К. Соловьева, который, восхваляя составителей академического словаря, говорил, что они «трудятся, нам чтоб не трудиться, / В кармане, слов ища, не рыться»; цит. по: Николаев 2009, 91). Другого мнения придерживался А. Сумароков, который в *Наставлении хотящим быти писателями* 1774 года указывал на недостаточность «лексикона» как ресурса для творчества: «Хотя перед тобой в три пуда лексикон / Не мни, чтоб помощью тебя снабжал и он, / Коль речи и слова поставишь без порядка / И будет перевод твой некая загадка» (Сумароков 1957, 135).

няется, что «хранить язык» значит «приводить в стройную совокупность все его сокровища» (Словарь церковнославянского и русского языка I, 1). Эта метафора, как хорошо известно, остается достаточно устойчивой и даже претерпевает дальнейшее развитие в XIX и XX веках⁸. Стоит заметить в этой связи, что понятие «богатство» языка является одним из важнейших в европейской языковой полемике нового времени; особенно подробно оно обсуждалось в рамках споров между «древними» и «новыми».

Немного другой, но близкий образ можно найти в рассуждениях французского лексикографа Пьера Лярусса, уподоблявшего словарь лакею, который несет багаж своего господина — языка, «*c'est un laquais qui porte les bagages de son maître*» (Larousse 1856, X). Лексикограф предстает в этом случае как собиратель и хранитель; он может осознавать себя также коллекционером: например, французский лексикограф XIX века Альфред Делво, сравнивая себя с энтомологом, писал, что он охотился за словами, как за бабочками⁹.

Интересно, что европейские лексикографы позитивисты (например, Эмиль Литре, Пьер Лярусс или авторы Оксфордского словаря английского языка) и неопозитивисты (например, Аристид Кийе или Поль Робер) могли использовать в качестве синонимов к слову *dictionnaire* такие существительные, как *dépot*, *magasin*, *archives*, *arsenal*, *collection*, в целом продолжающие традицию восприятия словаря как постоянно пополняющегося вместилища для коллекции слов.

Вместе с тем, толковые словари воспринимались также как некий статичный комплекс, отражающий состояние общества в определенную эпоху (ср. такие синонимы-метафоры, как *tableau*, *panorama*). Так, в частности, Пьер Лярусс сравнивал словари с моментальным снимком, с *дагерротипом* (это техническое новшество появилось в самом конце 30-х годов XIX века, незадолго до того, как Пьер Лярусс начал работать над своим первым лексикографическим проектом), на котором запечатлена «физиономия» языка. Поскольку любой язык претерпевает трансформации, лексикограф, согласно Лярусу, обязан следить за происходящими трансформациями и *дагерротипировать* (*daguerréotyper*) современное ему состояние языка (Larousse 1863, XI).

Наиболее красноречивым термином, применяющимся к словарю и отражающим связь с современным ему этапом развития общества, является

⁸ Интересно, что лексикография постепенно перешла от идеи отбора слов, заслуживающих помещения в словарь (т. е. выдачи своеобразного «права гражданства» словам), к стремлению описать в *тезаурусе* лексику какого-либо языка по возможности во всем его объеме и во всей полноте. Характерно рассуждение Х. Касареса, который писал об изменении роли лексикографа со времен составления «академических» словарей, занимавшихся «селекцией» слов: «И поскольку теперь он (лексикограф) не выдает ни прав гражданства, ни удостоверений о прохождении отборочной комиссии, поскольку он не стремится ничего очищать, ни устанавливать, не требует никакой юрисдикции, он может действовать безо всяких ограничений, подобно ботанику, который собирает в горах и долинах материалы для гербариев, чтобы изучать флору страны» (Касарес 1958, 31).

⁹ «*J'ai chassé aux mots comme on chasse aux papillons*» (Delvau 2020, 3).

слово *свидетель* (*témoïn*), которое указывает на роль лексикографии в формировании и, следовательно, последующей реконструкции памяти языкового коллектива и подчеркивает социально-историческую ценность данного типа текстов (Dubois 1970, 16–17).

Традиционно в соответствии с этими двумя представлениями (*хранилище слов* и *свидетель эпохи*) словари используются в качестве инструмента для исследования лексики как единицы языка (в синхронном и/или диахронном аспектах) и в качестве инструмента для исследования лексики как части конкретного социального, исторического или культурологического пространства¹⁰.

Словари являются важным филологическим источником, это своего рода «сырье» филологии, однако на протяжении долгого времени высказывания этого типа не становились объектом критики, комментирования и интерпретации в том смысле, в каком существует и развивается критика, комментирование и интерпретация других филологических источников. Словари, например, практически не привлекаются как источник при изучении истории лингвистики, в частности, семантики, а между тем, как кажется, именно там лежат ее истоки. Это неудивительно, поскольку лексикографу всегда приходится заниматься массовым, так сказать, «промышленным», а не штучным описанием лексики. На этом пути были сделаны некоторые первые открытия семантического характера и первые обобщения, которые позволяли подступить к предварительной систематизации лексики. Среди первых наблюдений можно назвать, скажем, разграничение прямых и переносных значений на большом корпусе слов¹¹, а также разметка разных регистров употребления.

Интересно, например, что именно в этом типе дискурса, в седьмом издании *Универсального словаря французского языка* (*Dictionnaire universel de la langue française*)¹² Пьера-Клода-Виктора Буаста, вышедшем в 1829 году, впервые употреблен термин *антонимия*. Можно предположить, что он был изобре-

¹⁰ В истории русской лексикографической мысли следует обратить внимание, например, на известную записку П.С. Биллярского об изучении «новейшего» русского языка, в которой предлагался «положительный» разбор языка, включавший, в частности, «оценку образования языка по отношению к умственной жизни народа» (Выписки из протоколов 1860, 382). Хорошо известна позиция американской школы антропологии; ср. часто цитирующееся высказывание Э. Сепира о том, что в словаре отражается «комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание данного общества» (Сепир 1993, 272). Особенно последовательно связи словарей с определенным этапом развития общества изучаются французскими лингвистами, начиная с работ Ж. Маторе. Отмечу, что некоторые исследователи используют термин этнолексикография, в частности, применительно к двуязычным словарям; см., например: Cherifi 2009, 237.

¹¹ Так, например, в словаре французского языка Франсуа-Антуана Помея (1671) вводится специальный знак (Q), разграничивающий отдельные употребления многозначных слов: «La Paraphe que j'ai fait mettre devant certains mots, veut dire que ces mots sont pris dans un sens different de celui, auquel les mêmes mots se prennent dans les locutions precedentes» (Pomey 1716, iij v).

¹² Первое издание словаря вышло в 1800 году; до 1866 года словарь переиздавался 15 раз.

тен французским писателем и лексикографом Шарлем Нодье, который после смерти Буаста (1824 г.) готовил переиздания данного словаря, очень популярного во Франции в первой половине XIX в. Шарль Нодье, по всей видимости, ориентировался на традиционный филологический термин *синонимия*. Под *антонимией* он понимал риторическую фигуру, а именно — совмещение в одном контексте несовместимых понятий (своего рода оксюморон). В издании 1829 года содержится ссыла на употребление Робеспьера, известного своим риторическим даром, а вот в издании 1834 года дается уже определение и пример *антонимии*: «exposition de mots, de noms inconciliables: ex. le bon messer Caligula [Bonne-ville]» (см. подробнее в статье: Бабаева 2018, 157). Что же касается термина *антоним*, то он впервые употреблен в 1866 году также в данном типе дискурса — в словаре Пьера Лярусса (*Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle*), который поместил это слово в словник, видимо, из соображений системности. Появление этих терминов не случайно. Оно явилось результатом осмысления лексикографами XVII–XIX веков того, что можно назвать семантикой противоположности, изучение которой, в свою очередь, восходит к европейской логике XVII в. (см. подробнее в: Бабаева 2018, 155–58). Однако объем этого термина, его истоки и интерпретация в европейской лексикографии XIX века оказываются оторванными от истории трактовки *антонимии* во второй половине XX века, когда оно активно начинает использоваться в лексикологии.

Лексикографический проект как высказывание может носить перформативный или дидактический характер, иметь определенную идеологическую направленность, которая формулируется эксплицитно — в предисловиях или сопутствующих изданию объяснительных текстах. Вместе с тем, лексикографический проект как высказывание может иметь коммуникативную цель, заложенную в нем имплицитно. Достаточно вспомнить, например, «войну» словарей, разразившуюся во Франции в конце XVII века между представителями лексикографического проекта Французской академии и изгнанным в 1685 году из академии Антуаном Фюретьером. Как хорошо известно, проект, разработанный Клодом Фавром де Вожа и легший в основу первого издания Словаря Французской академии (DAF 1694), предполагал ориентацию на идеальное употребление, представленное, по мнению авторов этого словаря, у лучших французских авторов (*le bel usage*) и в устном узусе придворного общества (*le bon usage*). Этот проект, посвященный королю, имплицитно выражал языковые установки, господствовавшие в Версале. Антуан Фюретьер, помещая в свой словарь, названный им «универсальным» (*universel*), объемный корпус терминологии, изгнанной из Словаря Французской академии как ненужный для формирования «благородства и элегантности» речи (*à la Noblesse & à l'Élegance du discours* (DAF 1694, I, Préface, n/p [2])), имплицитно

представлял лингвистические интересы другой социальной группы — буржуазии, иначе говоря, Парижа¹³.

Словарь может являться своего рода политической программой. Так, например, Антиох Кантемир, находясь в качестве посланника в Европе в 30–40-е годы XVIII века, начал составлять русско-французский словарь, исходя, по всей видимости, из культуртрегерского намерения познакомить франкоязычную Европу с книжным и разговорным узусами, принятыми в России (Бабаева 2004, XI). Однако неясно, каково могло бы быть практическое применение такого словаря: его составление не было связано ни с задачей облегчить переводы с русского на французский, неактуальной для того времени, ни с задачами преподавания русского как иностранного, для которых лучше подошел бы разговорник. Можно предположить, что А. Кантемир, будучи итальянистом в культурных предпочтениях и англоманом в политических пристрастиях, обратился тем не менее в двуязычном словаре не к итальянскому и не к английскому, а к французскому языку, поскольку это был международный язык наиболее авторитетного сообщества интеллектуалов того времени — *République des Lettres*. Он выбрал французский язык как символ новейшей европейской культуры и учености. Таким образом, глубинный смысл русско-французского словаря как высказывания состоял скорее в провозглашении нового статуса русского языка — равного европейским языкам, а еще шире — в указании на вхождение России в круг европейских государств. Известно также, например, что Ноа Уэбстера (Noah Webster) побудило к созданию первых лексикографических проектов (*Blue-Backed Speller; A Compendious Dictionary of the English Language*) стремление способствовать становлению новой — американской — государственности (Вупаск 1984), а примерно в это же время, в 90-е годы XVIII в., во Франции журналист Франсуа Домерг (François-Urbain Domergue), «грамматист — патриот» (*le grammairien patriote*), основал Общество любителей французского языка с целью написания «правильного» словаря, который отражал бы наступление «новой эры». Появление во время Великой французской революции понятия *нация* (*nation*) повлекло за собой создание не только *Национальной грамматики* братьев Бешерель (Louis-Nicolas Bescherelle, Henri Bescherelle), но и *Национального словаря* (*Dictionnaire national*, 1845) Луи-Никола Бешереля, полагавшего, что в словаре должны содержаться «все слова, имеющие употребление, иначе говоря, в нем (в словаре) должны быть представлены все классы общества и каждый из них должен найти в нем тот лексикон, который ему свойственен»¹⁴.

¹³ Разница, по всей видимости, хорошо осознавалась современниками: можно упомянуть, например, направленную против «плохого» употребления книгу *Du bon et du mauvais usage dans les manières de s'exprimer, des façons de parler bourgeoises, et en quoy elles sont différentes de celles de la cour. Suite des Mots à la mode* (par Fr. de Callières), опубликованную в 1693 году.

¹⁴ «Le titre même que nous avons choisi nous traçait en quelque sorte la marche que nous avions à suivre. Travaillant pour la Nation, le livre que nous voulions lui consacrer devait contenir tous les mots qui sont à son usage, c'est-à-dire que toutes les classes de la société devaient y être représentées, et chacune d'elles y trouver son vocabulaire spécial» (Bescherelle 1856, II).

Во всех подобных случаях лексикограф предстает не кабинетным ученым, коллекционирующим слова или пакующим их как «багаж», не охотником за словами и не фотографом. Он становится политиком, высказывания которого призваны создавать новую реальность.

Словарь, взятый как высказывание, многое говорит об эпохе, когда он создавался, и о личности автора. Лексикограф, по сути, является интеллектуальным ремесленником и, безусловно, по отношению к лексикографии может и должен ставиться вопрос о том, в какой степени данное высказывание представляет язык и идеологическую компетенцию языкового коллектива в описываемый период времени, и о том, как соотносится концепция словаря с социальными ценностями данного периода. Однако важно, что словарь может иметь и антропологическое измерение. Если исходить из идей К. Леви-Строса, полагавшего, что антропология «всегда стремится к познанию человека в целом», идет ли речь об изучении изделий или представлений (Леви-Строс 2001, 382), то словарь вполне может расцениваться как источник для этой области знаний. Словарь позволяет изучать не только личность автора данной «вещи», но и некоторые аспекты человеческого мышления, а также «семантическую» эволюцию социума. Он отражает постоянный поиск смыслов, свойственный и отдельному человеку и какому-л. социуму, так сказать, отбор и систематизацию «семантических» координат. Недаром французский лексикограф Алан Рей, возвращаясь в сентябре 2019 года в беседе с корреспондентом газеты *Le Monde* к своему профессиональному опыту, обратил внимание на то, что описание слов подразумевает, среди прочего, описание конкретного способа мыслить¹⁵.

Новые смыслы, отражающие поиски социума, выявляются, в частности, при «вертикальном» чтении данного типа высказываний, иначе говоря, при масштабном сопоставлении *словников* (в иной терминологии *макроструктур*) словарей. Подобное сопоставление позволяет строить гипотезы относительно развития лексикографической таксономии, а также относительно движения совокупностей лексики, разломов и перестроек лексического фонда языка, имеющих культурно-исторические и национальные корни. Так, например, при сравнении словников *Трязычного лексикона* Ф. Поликарпова (1704 г.) и русско-французского словаря А. Кантемира выявляется, среди прочего, слом, произошедший в осмыслении сферы чувства-отношения 'любовь' (см. подробнее: Бабаева 2004, XXXIX–XL), что может считаться своеобразным прологом к дальнейшей «семантической» эволюции общества, касающейся представлений о человеке и его внутреннем мире.

В *Новом словотолкователе* Николая Яновского (1803–1806) впервые отмечается новое значение для слова *магазин*, использовавшегося до рубежа

¹⁵ «Progressivement, nous comprenons que décrire correctement les mots, c'est décrire une époque, une manière de penser. Je me suis toujours intéressé à la dimension sociale et politique des mots parce que le côté formel de la linguistique ou de la philologie ne me satisfait pas. On ne peut pas faire de l'histoire sans faire de l'histoire lexicale» (Alain Rey: "L'hostilité au père a été quelque chose de fondamental", *Le Monde*, 9 septembre 2019).

XVIII и XIX вв. главным образом как синоним для слова *склад*, «иностран- ные купцы, модисты и модистки или торгующие разными товарами так на- зывают свои лавки, в которых они торгуют различными модными товарами, называют лавки свои также магазинами. Английской, французской магазин» (Яновский II, 622–23). Это определение почти полностью повторяется в *Об- щем церковно-славяно-русском словаре* (1834 г.) П. И. Соколова (Соколов I, 1353)¹⁶. Новое значение свидетельствует о том, что в первой трети XIX ве- ка меняется концепция торговли: появляются большие магазины импортных товаров¹⁷. В словаре А. Д. Михельсона *30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением корней* (1866) формулировка дан- ного значения содержит упоминание о размере: «Лавка для торго в обшир- ном размере» (Михельсон 1866, 374).

В словаре Н. Яновского впервые появляется также слово *негоциант*, обо- значающее иностранных купцов, торгующих оптом; в словаре П. И. Соколова из определения *негоцианта* исчезает упоминание об иностранном происхож- дении (Соколов 1834, 1625), в *Словаре церковно-славянского и русского языка* (1847 г.) — о торговле оптом, в результате данное существительное призна- ется синонимом для слов *купец*, *торговец* и отсылает скорее к идее масшта- ба, проявляющегося в богатстве (ср. единственный пример из этого словаря: *Богатый негоциант*).

При обращении к НКРЯ выявляется ряд употреблений, подтверждаю- щих происходивший семантический сдвиг в области торговли; ср., напри- мер: «Английский магазин есть столица всех магазинов. Не знаю, почему он называется Английским, ибо в нем продаются русские, французские, немец- кие и всякие товары, бриллианты и глиняная посуда, золото, серебро, брон- за, сталь, железо, посуда, всевозможные ткани для женских уборов и платья, все принадлежности дамского и мужского туалета, и вообрази, милая, вме- сте с духами, помадою и кружевами — вино, ликеры, горчица и даже салат в банках!» (Ф. Булгарин, *Письма провинциалки* [так!] *из столицы*, 1830). Заме- чательно интересным представляется дальнейшее рассуждение, в котором впервые, по-видимому, слово *магазин* получает определение *универсальный*: «Мне кажется, что этот магазин должен называться не Английским, а универ- сальным». Кроме того, перечисляются важнейшие отличия такого магазина от Гостиного двора, также указывающие на зарождение новых форм торгов- ли: фиксированные цены («здесь не торгуются в магазинах: сказано слово, и должно платить»), а также внешний вид и манеры продавцов («купцы в магазинах все такие вежливые, услужливые, [...] хорошо одеты и, кажется, [...] образованные»), отсутствие зазывал и обособо подобострастного тона

¹⁶ Интересно, что во французской лексикографии новое значение для слова *magasin* фикси- руется в Словаре Французской академии в 1835 году (DAF 1835, I, 142). Об эволюции понятия магазин во французском языке XIX в. см. в статье: Сидоревич 2019.

¹⁷ Согласно СРЯ XVIII в., впервые *аглинские* [так!] или *иностранные магазины* упоминаются в 1792 г. в *Почте духов* (СРЯ XVIII в. 12, 29).

(«Для меня несносен этот гостинодворский обычай зазывать в лавку. Чуть взглянешь на двери, тотчас и зашикали: чего прикажете-с, чего угодно-с, есть лучшие товары-с, меринос-с, петинеты-с, шелковые материи-с, кружева-с»). В *Словаре церковно-славянского и русского языка* (1847 г.) в словнике появляются производные от слова *магазин*: *магазинчик, магазинница, магазинницын*. В этот период *магазин* осмысляется в тесной связи с представлением о *мод*е и о *новомодных* товарах. Свидетельством происходившей трансформации является расширение словника также за счет таких, например, слов, как *модистка*: «Во Франции и у нас называются сим именем те торговки, которые торгуют модными товарами, служащими к одянию мужчин и к наряду женскаго пола» (Яновский II, 837); ср.: «содержательница магазина мод, или швея, в таком магазине работающая» (Соколов I, 1417), «выдумывающая моды и торгующая модами» (Словарь церковно-славянского и русского языка II, 316). В *Словаре церковно-славянского и русского языка* (1847 г.) словник пополняется словами *модников, модницын, модность*¹⁸. Вместе с тем, интересно отметить, что В. Даль не фиксирует распространявшееся в первой половине XIX века новое значение слова *магазин*.

Как известно, В. Даль эксплицитно обосновывал задачу выработать «язык образованный» на базе «народного» языка (Цейтлин 1958, 74). Славянофильские идеологические установки привели, в частности, к эксплицитно не заявленным лингвистическим технологиям, например, к эксплуатации системных возможностей языка: известно, что в *Толковом словаре живого великорусского языка* В. Даля содержится не менее 14.000 сконструированных им единиц (Вендина 2001, 17). Интересно, что к этой же технологии прибегал и Антиох Кантемир в своем русско-французском словаре; как уже говорилось, за этим словарем стояла достаточно ясная идеологическая установка, носившая, правда, противоположный — проевропейский характер.

Словари как источник антропологических знаний предполагают чтение не только «по вертикали», но и «по горизонтали». Содержащиеся в словаре толкования могут служить материалом для реконструкции осознания некоторых неочевидных или базовых понятий, к которым лексикографа вынуждает необходимость так или иначе истолковывать значения слов. Такова, например, история лексикографирования пространственного значения прилагательных *правый* и *левый*: несмотря на кажущуюся очевидность оппозиции, задача определить эти понятия впервые встала именно перед лексикографами. По всей видимости, не существует никаких других источников, в которых обсуждался бы вопрос о том, как, в сущности, устроено данное противопоставление. Обращает на себя внимание, в частности, осмысление *правого* и *левого* через анатомию человека: в этом случае в качестве основного ориентира выбирается тот или иной орган человека. В разные периоды в каче-

¹⁸ Эта эволюция соотносится с появлением в Санкт-Петербурге галантерейного магазина Арчибальда Мерилиза (1843 г.) и шляпного магазина Эндри Мюра (1857 г.), которые затем, уже в 1860-ые годы, открыли свой Торговый дом и в Москве.

стве такого ориентира для истолкования *левого* может выбираться селезенка, печень или сердце; данные лексикографические сведения представляют интерес для реконструкции «модели человека» на разных стадиях европейской культуры: представление о важной роли селезенки, восходящее к древности, сохраняющееся достаточно долго, в конце концов вытесняется осознанием центральной роли сердца как средоточия жизни. Что же касается *правого*, то эта сторона могла соотноситься с правой рукой как более активной и сильной (см. подробнее в статье: Бабаева 2021).

Таким образом, словари могут и должны изучаться и с несколько иных позиций, чем это принято. Представляет большой интерес выяснение не только филологических, но и, шире, идеологических установок автора, представленных как эксплицитно, так и имплицитно, а также его взглядов на деятельность лексикографа (часто выходящую далеко за пределы кабинета). Лексикография как особый тип дискурса является важным источником, проливающим свет не только на историю слов, но и на историю становления и развития понятий и идей, на историю социума и на историческую антропологию.

Источники

Словари

- Кантемир, Антиох. 2000. *Русско-французский словарь*. Вступительная статья и публикация Елизаветы Бабаевой. Т. I–II. Москва: Азбуковник. Языки славянской культуры.
- Михельсон, Алексей Д. 1866. *30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением корней*. По словарям Гейзе, Рейфа и других. Москва: Собст. изд. автора.
- НКРЯ. *Национальный корпус русского языка*. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorgo.ru.
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии Наук*. 1847. Т. I–IV. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Соколов, Петр И. 1834. *Общий церковно-славяно-российский словарь или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых*. Т. I–II. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Российской Академии.
- СРЯ XVIII века. *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 1–22. Ленинград, Санкт-Петербург: Наука. 1984–2019 (издание продолжается).
- Яновский, Николай. 1803–1806. *Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту*. Ч. I–III. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Российской Академии.
- Bescherelle, Louis-Nicolas. 1856. *Dictionnaire national ou Dictionnaire universel de la langue française*. I. Paris: Chez Garnier frères.
- DAF 1694. *Le Dictionnaire de l'Académie Française*. I–II. Paris: Veuve J. B. Coignard et J. B. Coignard.
- DAF 1835. *Le Dictionnaire de l'Académie Française*. I–II. Paris: Imprimerie et Librairie de Firmin Didot Frères (6e édition).
- Delvau, Alfred. 2020. *Dictionnaire de la langue verte*. Glasgow: Good Press.

- Larousse, Pierre. 1856. *Nouveau Dictionnaire de la langue française*. I. Paris: Larousse et Boyer.
- Larousse, Pierre. 1863. *Nouveau Dictionnaire de la langue française*. Paris: Larousse et Boyer.
- Larousse, Pierre. 1866. *Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle*. T.I. Paris: Administration du grand Dictionnaire universel.
- Pomey, François Antoine. 1716. *Le Dictionnaire royal, augmenté de nouveau, et enrichi d'un grand nombre d'expressions élégantes* [...]. Dernière édition, nouvellement augmentée de la plus grande partie des termes de tous les arts. Lyon: L. Servant.

Литература

- Бабаева, Елизавета Э. 2004. “Русско-французский словарь Антиоха Кантемира: описание, лексикографические источники.” В *Русско-французский словарь Антиоха Кантемира*. Вступительная статья и публикация Елизаветы Бабаевой. Т. I, VII–L. Москва: Языки славянской культуры.
- Бабаева, Елизавета Э. 2018. “Антонимия: к проблеме определения границ.” В *Риторика — Лингвистика 13. Сборник статей*, 153–164. Смоленск, Издательство Смоленского государственного университета.
- Бабаева, Елизавета Э. 2021. “Семантика противоположности: оппозиция правый vs левый в зеркале лексикографии.” *Русский язык в научном освещении* (4): 83–104. DOI: doi.org/10.31912/rjano-2021.2.4.
- Вендина, Татьяна И. 2001. “В. И. Даль: взгляд из настоящего.” *Вопросы языкознания* 3: 13–21.
- “Выписки из протоколов Императорской Академии наук за декабрь 1860.” В *Известия Второго отделения Императорской Академии наук*, Санкт-Петербург, т. IX, ч. 5.
- Касарес, Хавьер. 1958. *Введение в современную лексикографию*. Пер. с испанского Нины Д. Арутюновой. Ред. Георгий В. Степанов. Москва: Издательство Иностранной литературы.
- Леви-Строс, Клод. 2001. *Структурная антропология*. Пер. с французского Вячеслава Вс. Иванова. Москва: Издательство ЭКСМО-Пресс.
- Николаев, Сергей И. 2009. “Словари и словарное дело в России XVIII в.” В *Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков*. Ред. Андрей А. Костин, Наталья Д. Кочеткова, Ирина А. Мальшева, 85–95. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научный центр.
- Сепир, Эдвард. 1993. “Язык и среда.” В Эдвард Сепир. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва: Издательская группа Прогресс Универс.
- Сидоревич, Анна Е. 2019. “Словарь коммерции во французском языке XIX века: эволюция понятия ‘магазин’.” *Stephanos* 38, 6: 85–91. DOI: 10.24249/2309-9917-2019-38-6-85-91
- Сумароков, Александр П. 1957. *Избранные произведения*. Ленинград: Советский писатель.
- Фуко, Мишель. 1996. *Археология знания*. Киев: Наука-Центр.
- Цейтлин, Раля М. 1958. *Краткий очерк истории русской лексикографии*. Москва: Учпедгиз.
- Шишков, Александр С. 1815. “Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря.” В *Известия Российской Академии*, кн. 1: 8–35. Санкт-Петербург: В типографии Императорской Российской Академии.
- Bynack, Vincent P. 1984. “Noah Webster’s Linguistic Thought and the Idea of an American National Culture.” *Journal of the History of Ideas* 45, 1: 99–114.

- Cherifi, Nadir 2009. "L'écart culturel dans les dictionnaires bilingues." *Éla. Études de linguistique appliquée. Revue de didactologie et de lexiculurologie des langues-culture* 2, 154: 237–48.
- Considine, John. 2021. *The Cambridge World History of Lexicography*. Cambridge: University Press.
- Dubois, Jean 1970. "Dictionnaire et discours didactique." *Langages*, 19. *La Lexicographie*: 35–47.
- Dubois, Jean, et Claude Dubois. 1971. *Introduction à la lexicographie: le dictionnaire*. Paris: Librairie Larousse.
- Lynch, Jack. 2011. "Studies of Johnson's *Dictionary*, 1995–2009: a bibliography." *Harvard Library Bulletin* 20, 3–4: 88–133. <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:42672683>
- Pruvost Jean. 2002. *Les dictionnaires de langue française*. Paris: PUF.
- Rey, Alain. 1977. *Le lexique: Images et Modèles du Dictionnaire à la Lexicologie*. Paris: Librairie Armand Colin.
- Rey, Alain, et Simone Delesalle. 1979. "Problèmes et conflits lexicographiques." *Langue française* 43: 4–26.